А.Л.НИКИТИН

К ВОПРОСУ СТРАТИФИКАЦИИ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Всестороннее изучение "Слова о полку Игореве", продолжающееся без малого уже два столетия, показало, насколько труден и сложен путь к пониманию и правильному прочтению этого замечательного памятника древнерусской литературы. Одним из главных препятствий в этом направлении оказывается уникальность текста, дошедшего до нас к тому же не в палеографическом варианте, а в его издательском прочтении, вызывающем многочисленные споры, догадки и нарекания. Эта же уникальность, как мне кажется, создает иллюзию обманчивой легкости расшифровки древнего произведения и достигнутых успехов, зафиксированных в изданиях последних лет как нечто окончательное, другими словами, как некий исторический факт, хотя на самом деле отмечено всего лишь одно из возможных толкований. Такое положение одинаково распространяется как на древнерусскую поэму в целом, так и на отдельные ее части, фразы, слова и перестановки частей. Между тем уже существование "Задонщины" в шести списках, весьма отличных друг от друга - по композиции, охвату и интерпретации фактов, лексике, использованию в поэтической ткани прямых заимствований из "Слова о полку Игореве", благодаря чему между двумя выдающимися поэтическими произведениями средневековой Руси прослеживается четкая текстологическая и хронологическая зависимость, - могло бы заставить исследователей с большей осторожностью настаивать на окончательности того или

много толкования очередной загадки "Слова".

Другим источником затруднений в понимании и анализе "Слова" служит молчаливо принятая большинством его исследователей точка зрения, согласно которой имеющийся в нашем распоряжении текст во всех своих частях является продуктом единоличного и одноразового творческого акта, дошедшим до нас без каких-либо существенных искажений. Подобное утверждение, идущее вразрез со всем тем, что твердо установлено историческим литературоведением относительно творческого процесса средневековья [1], ничем не доказывается, будучи постулировано как аксиома. Многослойность текста "Слова" могла явиться результатом ранней контаминации прозаической повести о походе Игоря и поэмы ("песни")об этом же событии, усложненной последующим влиянием обоих произведений на летопись и "Задонщину" (что предполагает возможность и обратного, так сказать отраженного, влияния "Задонщины" на "Слово" в его позднем изводе), или в результате усвоения текстом "Слова" более ранних произведений сходного жанра, послуживших такой же основой для творчества автора "Слова", как его собственное произведение послужило образцом и "строительным материалом" для "Задонщины".

Разработка "стратификационного" направления в изучении "Слова" представляется мне первоочередной задачей потому, что вводит нас в творческую лабораторию русского средневековья, позволяя увидеть технологию возникновения литературных произведе-

---

[1] Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг, 1922, стр.57; Лихачев Д.С. Текстология. Л. 1983, стр. ~~44~~-45 и др.

ний и принципы формирования жанров [2]. Первые шаги на этом пути позволили подтвердить факт текстологической зависимости автора "Слова" от произведений Бояна, поэта второй половины XI в.

В предыдущих работах, посвященных этим вопросам, я показал, что попытки обнаружения остатков текста Бояна, как в "Слове", так и в русских летописях, предпринимались давно и многими исследователями. Текст Бояна, поддающийся в большей или меньшей степени прочтению и реконструкции, был обнаружен в так называемом "панегирике", "сне Святославе" и в "ответе бояр", восходящем к "вещему сну" Святослава Ярославича [3]. К этому перечню надо добавить реконструкцию начальных фраз "Слова", заключавших в себе первоначально не противопоставление автора поэмы - Бояну, а наоборот, утверждение, что он, автор, будет следовать основной идее ("замышлению") Бояна и заимствуемым у него "старым словесам". Логическое объяснение возникшего под пером позднего переписчика недоразумения (соединительный союз "а" был воспринят им в противительном значении и усилен отрицательной частицей "не") нашло полное грамматическое подтверждение в специальном исследовании И.А.Поповой [4], почему-то вы-

---

[2] Лихачев Д.С. Указ.соч.

[3] Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве". Сон Святослава // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. - М., 1978. - С.112-140; Он же. "Слово о полку Игореве": загадки и гипотезы // Октябрь. 1977. № 7. С.133-163.

[4] Попова И.А. Значение и функции союза "а" в древнерусском языке // Научный бюллетень ЛГУ. - Л. 1945. № 2. С.30-33.

павшей из круга зрения всех без исключения исследователей "Слова".

Поскольку вопрос этот чрезвычайно важен, а небольшая статья опубликована в редчайшем издании, позволю себе процитировать основной вывод работы. "Одним из древнейших и основных значений союза "а" было соединительное, обнаруживающееся более четко лишь в древнейших памятниках... Соединительное значение "а" было соединительным особого рода: "а" соединяло не родственные, близкие, объединяемые между собой понятия, а служило для соединения понятий далеких, неоднородных, необъединяемых и даже противополагаемых. Соединение с помощью "а" носило характер необязательного присоединения, добавления, вроде "кроме того", "сверх того", "да", прибавляющего еще что-то, причем добавляемое органически не связано с предшествующим, не вытекает из него, но присоединяется как нечто новое, далекое, часто случайное, неожиданное, даже противоположное ожиданию и тогда противополагаемое" [5].

Именно такая ситуация открывается в одной из первых фраз "Слова", автор которого заявил, что "начати же ся тьи песни по былинамь сего времени, а (не) по замышлению Бояню", то есть "поэма будет повествовать о современных событиях, и (сверх того) следуя также идеям Бояна". Отсюда – обращение к Бояну, воспроизведение его творческой манеры, "старые словеса", – все то, что прямо указывает на зависимость поэта XII в. от поэта XI в., но что из-за появления частицы "не" воспринималось в смысле прямо противоположном тому, какой вложил в эту фразу ее автор.

---

[5] Там же, стр. 31.

Снятие мнимого противоречия не просто открыло возможность стратифицированного подхода к тексту "Слова". Вычленяемые и реконструируемые отрывки произведения Бояна оказались новым историческим источником о событиях 70-х гг. XI в., - времени наиболее "темном" в истории домонгольской Руси, поскольку из летописей оказались изъяты сведения о годах княжения Изяслава и Святослава Ярославичей, а оставшийся материал был тенденциозно переработан в пользу Всеволода Ярославича и его сыновей. Кроме того вычленение текстов, восходящих к XI в., открывало заманчивые перспективы и для филологов, осторожно указывавших на своеобразное "двуязычие" замечательного памятника, наличие в его лексике уникальных для письменности домонгольской поры прилагательных [6], редких слов - гапаксов, а вместе с тем болгаризмов и сербизмов [7], предполагающих влияние культуры Первого болгарского царства.

Не меньшее значение имел новый подход для текста самого "Слова о полку Игореве", учитывая тот вид, в котором он дошел до нас. Реконструкция и новое прочтение отдельных отрывков, исходя из реальности XI в., помогли в ряде случаев обнаружить ошибки средневековых переписчиков, не замеченные ранее. Это относится к случаю с частицей "не", упоминанию "моря" в сцене бегства Игоря, исправление слова "дьскы" в "Сне Святослава" на первоначальное "детскы". Последний пример заставил обратить внимание на изменение значения того или иного слова при вторич-

[6] Перетц В.Н. К изучению "Слова о полку Игореве", Л., 1926, стр. 88-149.

[7] Перетц В.Н. Слово о полку Iгоревiм. У Києвi, 1926. стр. 247-248 и др.

ном использовании текста. Как я постараюсь показать ниже, искажение первоначального значения слова или термина не всегда носило пассивный характер, когда переписчик заменял незнакомое ему слово - знакомым, сходным по написанию [8]. В том случае, когда изменения касались текста, восходящего к XI в., часто можно видеть сознательное переосмысление и последующую перестройку фразы, отвечающую той новой эмоциональной и смысловой нагрузке, которую ей предназначал автор "Слова". Как это происходило с текстом самого "Слова о полку Игореве", использованном в "Задонщине", в свое время показала В.П.Адрианова-Перетц в обстоятельной работе, к сожалению, не получившей дальнейшего развития, хотя примеры были весьма красноречивы [9].

Есть и примеры другого рода, когда то или иное слово, "захваченное" в старом контексте и не переработанное, оказывается "незамеченным" новым содержанием. Между тем оно сохраняет свою смысловую активность и в дальнейшем может оказывать серьезное влияние на другой, корреспондирующийся со "Словом" текст (например, летопись), разрушая его достоверность. Так произошло с "морем", игравшим немалую роль в сюжетной канве поэмы Бояна - как указание страны света, как географический ориентир, как символическое указание на судьбу сыновей Святослава в его "вещем сне", наконец, как путь, которым Олег Святославич возвращается на Русь из Византии. Неожиданная вставка в рассказ "Ипатьевской летописи" фразы о гибели в море остат-

---

[8] Лихачев Д.С. Указ. соч., стр. 78-84.

[9] АдрІанова-Перетц В.П. "Слово о полку ІгоревІм" І "Задонщина". Радяньске лІтературознавство", 1947, № 7-8, стр.135-177.

ков войска Игоря Святославича, приводившая в недоумение многих исследователей, пытавшихся оправдать ее историко-географической реальностью, как нельзя лучше показывает роль поэтического произведения в формировании общественного мнения и прямой зависимости истории - от поэзии.

В этих заметках, которые служат продолжением предыдущей работы [10], я предлагаю ряд новых прочтений отдельных мест "Слова", восходящих как к тексту 1185 года, так и к текстам, заимствованным у Бояна.

"Галичкы Осмомысле Ярославе..." Необычный эпитет в обращении автора "Слова" к галичскому князю Ярославу Владимировичу (около 1130 г. - 1.X.1187 г.) вызвал к жизни ряд заметок, пытавшихся объяснить его с помощью исторических сведений об этом князе, которые сохранили нам древнерусские летописи и текст поэмы. Следуя примерам, собранным в соответствующей статье "Словаря-справочника..." [11] и комментарию Д.С.Лихачева [12], все эти попытки можно свести к трем толкованиям: 1) "осмомысл" - "осмородный", так в древнерусской литературе было переведено второе имя Августа Октавиана, что, по мнению В.Ф. Ржиги, должно было подчеркнуть "цезаризм" Ярослава, его неограниченную власть и успехи в борьбе с галичским боярством, особен-

---

[10] Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве"...

[11] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып.4, Л., стр. 38-39.

[12] Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический. В кн.: "Слово о полку Игореве". Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Литературные памятники. М.-Л., 1950, стр. 410.

но досадившим Ярославу в юности; 2) "осмомысл" - человек восьми греховных помыслов, то есть погрязший в грехах, - мнение маловероятное, поскольку подобное обращение было бы предельно оскорбительным; 3) "осмомысл" - человек восьми государственных забот, восьми господствующих в его уме дел, которые перечисляются в "Слове": "подпирание" Угорских гор полками, "заступление" какому-то королю пути, "затворение ворот" Дуная, "метание некиих тяжестей "чрез облакы", наряд судов до Дуная, "течение" гроз по землям, открытие киевских ворот и охота за "салтаном".

Малопонятный перечень дел Ярослава Владимировича убеждает, что этот поэтический персонаж далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда. И все же можно думать, что действия его вряд ли имеют какое-либо отношение к эпитету. Общий обзор толкований показывает, что исследователи всякий раз исходили из предпосылки главенствующего значения числа "восемь" и точной передачи первоначального написания слова "осмомысл". Между тем возможно иное прочтение, опирающееся на значение древнерусского слова "оснъ" - "острие" [13]. Другими словами, в дошедшем до нас тексте заключена одна из ошибок-"невидимок" очередного переписчика, которая может быть выявлена только логическим путем. Первоначальное слово "осномыслъ", т.е. "остроумец", "прозорливый", острого ума человек, в конечном счете - "мудрый", в результате нечеткого написания (или прочтения) буквы "н" было превращено в "осмомыслъ", сохранив почти неизменным звучание, графику и мнимую смысловую ясность, не подда-

---

13 Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка. т. II, СПб, 1895, стб. 732.

ющуюся, однако, точному переводу. Мне кажется, именно мнимая понятность странного эпитета, первоначальное значение которого интуиция подсказывала каждому читателю древнерусской поэмы, и стояла долгое время на пути решения одной из загадок Ярослава Владимировича галичского, сведения о котором, содержащиеся в "Слове", еще ждут своего действительного истолкования.

"Стязи глаголютъ". В не до конца понятном перечне явлений, предшествующих основному столкновению войска Игоря с половцами, внимание исследователей останавливалось, как правило, только на выражении "стязи глаголютъ", отъединяя его от предшествующих фраз и, наоборот, смыкая с последующими. Подобное чтение зафиксировано и в соответствующей статье "Словаря-справочника...", где стяги "глаголют" о том, что "половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран..." [14]. В таком виде указанный отрывок предстает перед читателем как безусловная проза. Между тем внимательное чтение всего текста обнаруживает "шов", проходящий как раз перед словом "половцы". Предшествующие фразы, включая и выражение "стязи глаголютъ", являют нам остатки строфики (от "земля тутнет..."), с наибольшим вероятием восходящей к поэтическому наследию Бояна, порождая ряд недоуменных вопросов.

Нет единого мнения и относительно выражения "стязи глаголютъ". Споры вызывают как существительное "стязи", трактуемые то как "отряды", то как "знамена", так и глагол, выражающий действие или состояние: если "отряды" переговариваются, шумят, сигнализируют о приближении половцев, то и "знамена" шумят или

---

[14] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып. I, Л., 1965, стр.156.

трепещут (звучат).

Образ "переговаривающихся перед сражением отрядов" может возникнуть только в том случае, если указанное словосочетание будет отнесено к последующему прозаическому тексту, сообщающему о подходе половецких войск. На самом же деле выражение "стязи глаголють" принадлежит предшествующему тексту, который рисует обстановку перед боем. Не настаивая на окончательности прочтения, приведу этот отрывок в своем пояснительном переводе: "земля трясется, помутнели реки, пыль окутывает степь". Естественное развитие этой панорамы перед битвой завершается логическим указанием на развевающиеся знамена стоящих в ожидании войск, которые только и вписываются в общую картину. Мне представляется, что в данном случае поэт употребил эвфемизм, сохранившийся в русском разговорном языке до начала XX века - "стоять глаголем" - подобно тому, как о человеке, упирающем руки в бока, принято было говорить, что он "стоит фертом".

Конечно, можно допустить, что автор "Слова о полку Игореве", использовав динамическую картину затишья перед боем, заимствованную у Бояна, прозаическим добавлением о подходе половцев изменил смысловые акценты, заставив стяги "говорить", но мне кажется это маловероятным: древнерусский книжный человек был чувствителен к оттенкам значений слова, а выражение "стязи глаголют", то есть "стоят глаголем", "развеваются", было, по-видимому, настолько однозначно в поэтическом восприятии текста, что изменение его смыслового значения вряд ли могло иметь место.

Наконец, стоит напомнить еще об одном обстоятельстве, которое прямо готовит читателя к восприятию именно развевающихся знамен - упоминание перед этим ветров, которые "веют с моря

стрелами" на полки Игоря, рождая картину мощного воздушного потока, отмеченного развевающимися войсковыми значками и штандартами.

"Посуху живыми шереширы стреляти...". В обращении автора "Слова" к князьям за помощью первым назван владимиро-суздальский Всеволод Юрьевич "Большое гнездо". Своеобразный ритмический рисунок, сохраняющийся от начала до конца обращения к этому князю, выдержанное чередование обращения и восхваления его мощи (от "не мыслию ти..." до "...поблюсти" и от "аще бы ты..." до "...по резане" чередуются с "ты бо можеши..." до "...выльяти" и "ты бо можеши..." до "...сыны Глебовы") не оставляют места сомнению, что он полностью принадлежит перу автора XII в. и сохранился достаточно хорошо. В нем присутствует намек на династические права адресата ("отня злата стола поблюсти"), на недавний победоносный поход против волжских болгар ("Волгу веслы раскропити" и т.д.) [15], так что единственной загадкой остаются "шереширы", которым уподоблены рязанские и пронские князья, сыновья Глеба Ростиславича рязанского.

Упоминание драчливых, постоянно враждовавших с владимиро-суздальским князем рязанских князей в качестве его "подручных", ходящих "в его воле", само по себе чрезвычайно интересно, поскольку становится своеобразным датирующим признаком возникновения "Слова". Поход на волжских болгар в 1183(6692) году был тем редким случаем, когда рязанские князья оказались объединены под главенством Всеволода Юрьевича. Уже в 1186 г. между Рязанским и Владимирским княжествами разгораются военные

---

[5] Полное собрачие русских летописей (далее - ПСРЛ). - СПб., 1900. Т.II. - Стб.625-626.

действия, а в 1187 г. Всеволод Юрьевич совершает обстоятельный поход на своих рязанских "подручных". Другими словами, упомянуть именно так о взаимоотношении Всеволода и "сынов Глебовых" можно было только в 1185 г., на что в свое время обратил внимание Б.А.Рыбаков [16], притом с позиций человека, явно симпатизирующего владимиро-суздальскому князю.

Однако, что же подразумевал автор под "шереширами", когда сравнивал с ними рязанских князей? Слово "шереширы" до сих пор известно только в этом контексте "Слова", в других памятниках древнерусской литературы оно не встречено. Попытка вывести его из греческого слова "сарисса", т.е. "копье", вызвала категорический протест М.Фасмера [17] и, насколько мне известно, филологами поддержана не была. Столь же неудачной оказалась попытка П.М.Мелиоранского связать "шереширы" с персидским "tīr-i čarx", означавший снаряд, летящий по воздуху и напоминающий ракету. К.Г.Менгес в обстоятельном разборе возможных тюркских истоков интересующего нас слова показал невозможность подобной этимологии, отказавшись и от варианта Р.Якобсона, выводившего "шереширы" из звукоподражательного "шуршать, издавать шорох", и т.п. [18]. По-видимому, следует отказаться и от догадки, ни на чем, впрочем, не основанной, что "шереширы" являются русским названием знаменитого "греческого огня". Все это делает понятной позицию комментаторов, которые при очеред-

[16] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - М., 1972. - С.494.

[17] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М., 1973. Т.IУ. - С.430.

[18] Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". - Л., 1979. - Стб.180-186.

ном издании текста "Слова" приводят в примечаниях к "шереширам" одно из толкований, которое кажется им наиболее верным, или ограничиваются замечанием первых издателей "Слова", что его автор назвал так "неизвестный уже ныне воинский снаряд".

Попробуем посмотреть, нет ли еще неиспользованных возможностей, которые могут помочь если не разгадать загадку, то хотя бы наметить пути к ее решению, исходя из функционального значения непонятного слова и рассмотрев его в общем контексте обращения к Всеволоду Юрьевичу.

По-видимому, главное свойство "шереширов" раскрывается возможностью использовать их в виде своеобразных стрел ("можеши... стреляти"), подразумевая под этим определенное техническое действие. Уже одно это позволяет отказаться от поисков их среди "греческого огня", баллист и прочих осадных орудий. Вторая особенность, на которую до сих пор не было обращено внимание, заключена в указании, что "шереширами" можно стрелять "посуху". Подобное уточнение вряд ли случайно. Скорее всего автору оно понадобилось для того, чтобы указать на возможность использовать "сынов Глебовых" не только в речном походе, каким был поход на волжских болгар, но и в сухопутных военных акциях. Это означает, что читателю конца XII в. термин был хорошо знаком и неизбежно ассоциировался с водой. Больше того, указанные свойства "шереширов" позволяют думать, что автор "Слова", широко использовавший в своей поэтике зоологические параллели, и в этом случае уподобил рязанских князей - быстрых, подвижных, стремительных - каким-то схожим и хорошо известным представителям водного царства.

Приведенные соображения позволяют мне с достаточным основанием предполагать, что на месте теперешних "шереширов" в текс-

те "Слова" стояло схожее, достаточно древнее и широко известное в народе слово "шерешперы", означающее рыбу жерех (Aspius aspius L.). Этот сильный и стремительный хищник при нападении выскакивает из воды подобно серебряной стреле и обрушивается на стайку рыбьей мелочи, оглушая ее ударами хвоста. Непревзойденный знаток пресноводных рыб русских водоемов Л.П.Сабанеев [19] в качестве характерной черты жереха отмечает, что, если взрослые особи, как правило, охотятся на плесах в одиночку, молодые, наоборот, нападают стайкой и их выплеск над водой похож на залп металлических стрел.

Эти наблюдения вполне согласуются с тем образом, который возникает у читателя "Слова". Он находит свое место в ряду остальной зооморфной образности поэмы, вполне объясняет невольную описку одного из ее переписчиков - "и" вместо "пе" - и хорошо согласуется с прилагательным "живыми", которое в данном случае является не антитезой "мертвые", а употреблено в значении "быстрый", "подвижный", "стремительный".

Стоит указать еще одно немаловажное обстоятельство, подтверждающее такое толкование. В ритмическом и смысловом рисунке текста, в котором собственно обращения к Всеволоду чередуются с демонстрацией его неограниченных возможностей, "шереширы" прямо корреспондируются с упоминанием рек Волги и Дона, где действительно были употреблены "сыны Глебовы"; теперь автор предлагает использовать их "посуху"...

"Се бо готские красныя девы въспеша на брезе синему морю,

---

[19] Сабанеев Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1960, стр. 520-523.

звоня рускым златомъ; поютъ время бусово, лелеютъ месть Шароканю".

Завершающий пассаж "ответа бояр" на загадки "сна Святослава" ни разу не был объектом самостоятельного исследования. Рассматриваемый на хронологическом и семантическом уровне событий 1185 г. он воспринимался, с одной стороны, как воспоминание о поражении Шарукана в 1068 г. от Святослава Ярославича, своеобразным "отмщением" которого стало пленение Игоря Святославича "с братьей", а с другой стороны - идиллической картиной прибрежной Готии, куда должно пойти "русское золото", полученное половцами в результате выкупа Игоря из плена. Привлекало внимание только "время бусово". Впрочем, начиная с 1876г., когда О.Огоновский высказал мысль, что это выражение означает воспоминание готов об антском князе Бозе или Бусе, который, по сообщению Иордана, был распят вместе с семьюдесятью старейшинами готским королем Амалом Винитарием [20], это мнение прочно укоренилось в литературе о "Слове". Правда, филологи-германисты неоднократно подчеркивали малую вероятность мнения Огоновского, поскольку в тексте Иордана нет никакого "Боза" или "Буса": есть "бож", но это скорее всего не имя собственное, а всего лишь латинизированная передача славянского слова "вождь", как то свидетельствует из контекста [21], однако на них внимания не обратили [22]. Между тем сама возможность сложения готами песен о побежденном противнике, имя которого при этом распространено на всю эпоху, то есть прославлено в веках, мягко говоря, маловероятно. Ничего подобного в истории неизвестно.

---

[20] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 115.

[21] Там же, стр.611.

[22] Ср. Рыбаков Б.А. Указ. соч., стр. 417-421.

Недавно появившаяся содержательная заметка М.А.Салминой показала возможность иного объяснения этого места, напомнив о существовании в прошлом "бусы" - средневекового военного корабля, хорошо известного на Балтийском море и в качестве такого термина зафиксированного новгородскими летописями и юридическими документами XУ-XУI вв.[23] Новое прочтение позволяет интерпретировать выражение "поют время бусово" как "воспевают времена морских походов", что коренным образом меняет не только поэтическое звучание, но и смысл отрывка. Правда, не на уровне событий 1185 г., а на предшествовавшем ему уровне поэмы Бояна, откуда, как мне довелось показать в свое время, был целиком взят цитируемый текст [24]. Возможность заимствования "готских красных дев", мифического "Буса", имени Шарукана из Бояна и более древних источников не отрицалась и раньше, поскольку налицо были реалии не только второй половины XI в. (Шарукан), но и более архаические (Боз, готы) [25].

В какой связи Боян сопоставил в одной фразе готов, время их набегов, отразившееся в песнях, с "русским золотом" и отмщением Шарукану?

Развивая идею М.А.Салминой, стоит напомнить, что готы обитали не только на Нижнем Дунае, где существовала самостоятельная готская епископия и где, кстати сказать, происходили у них указанные столкновения с антами, а позднее - с русами [26]. Не

---

[23] Салмина М.А. Из комментария к "Слову о полку Игореве", ТОДРЛ, XXXУI, Л., 1981, стр. 228-229.

[24] Никитин А.Л. Наследие Бояна.., стр. 114.

[25] Рыбаков Б.А. Указ. соч., стр. 421-439.

[26] См. Беликов Д.Н. Начало христианства у готов и деятельность епископа Ульфилы. Казань, 1887.

случайно на реках, впадающих с северо-запада в Черное море, в том числе и на Днепре, еще в конце прошлого века можно было найти "бусу" - древнейший тип судна, описанный Константином Багрянородным под именем "однодеревки" в полном соответствии с его конструкцией [27].

Именно туда, в Подунавье, а не на приднепровскую Русь,как это может показаться знакомому с древнерусскими летописями человеку, направляли свои основные походы половцы, обитавшие в южнорусских степях между Волгой и Днепром. Их привлекали богатства Византийской империи. Именно там, а не на побережье Крыма, они входили в тесный контакт с торговцами-готами, населявшими приморские города к югу от дельты Дуная. Туда же отправляли половцы полон и туда, по-видимому, притекало "русское золото", которое они получали в качестве выкупа за пленных [28]. Для Бояна, который писал в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке тех лет, естественно было провести параллель между "отмщением Шаруканю", выразившимся в убийстве половцами сына Святослава Ярославича, который всего за II лет до этого наголову разбил и захватил в плен выдающегося половецкого хана, и "готскими красными девами", воспевавшими набеги своих предков на славянские земли.

Напрашивалась и еще одна параллель - между руским золотом в руках готов и тем золотом, которым Всеволод Ярославич оплатил половцам убийство своего племянника. Реализацию этой параллели можно видеть во фразе "панегирика", непосредственно

---

27 "Буса". Энциклопедический словарь, изд. Ф.А.Брокгаузом и И.А.Ефроном. т. У, СПб, 1891, стр. 64.

28 Diaconu P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XII siècles. Bucureşti, 1978.

восходящей к тексту Бояна, в которой он обличает Всеволода. Князя "кают" - проклинают - окрестные народы за то, что в день битвы на Каяле он разрушил мир на Русской земле, "руки половецкие русским златом осыпаша" [29].

И все же значение заметки М.А.Салминой о "времени бусовом" было гораздо значительнее и шире, чем только прочтение очередного "темного места". Ее обращение за подкрепляющими примерами к северному культурному региону Европы могло быть интуитивным, но далеко не случайным. Выражение "время бусово", переводимое, как "время виков", то есть время морских набегов, открывает в нем простой кеннинг, типичный для скальдической поэзии, отзвуки которой у Бояна находили многие исследователи "Слова" [30], догадывавшиеся, что перед ними не первый, верхний, а второй, нижний пласт поэмы. Соответственно, на этом уровне иное толкование получают и знаменитые "бусовы враны", справедливо читающиеся в тексте 1185 г. как "серые вороны", и не менее известный "босый волк", объяснение которого, в соответствии с замыслом автора "Слова", находили в параллелях брянских говоров [31].

Истоки того и другого кеннинга, как теперь можно полагать, восходят не к тотемическим представлениям половцев [32], а ко

---

[29] Никитин А.Л., Наследие Бояна.., стр. 131.

[30] Напр., последняя по времени статья Д.М.Шарыпкина: Боян в "Слове о полку Игореве" и поэзия скальдов. ТОДРЛ, XXXI, Л., 1976, стр. 14-22.

[31] Козырев В.А. Словарный состав "Слова о полку Игореве" и лексика современных русских народных говоров. ТОДРЛ, XXXI, стр. 95.

[32] Гордлевский В.А. Что такое "босый волк"? В кн.: Избранные сочинения, т.П, М., 1961, стр. 482-504.

"времени бусову". Обращаясь к скальдической традиции, в силу каких-то причин повлиявшей на поэзию Бояна достаточно сильно, можно видеть, что все три словосочетания имеют один определяющий элемент - "бусу": "ворон бусы", "волк бусы" и, как итог, "время бусово". В древнескандинавской (балтийской) скальдической традиции "ворон бусы" и "волк бусы" были адекватны простым кеннингам типа "ворон корабля" и "волк корабля" (в сложных кеннингах вместо корабля будет использован образ "морского коня"), что равнозначно кеннингам "ворон моря" и "волк моря". Все они обозначают "воина" [33]. И если единственное упоминание, предстающее в авторском тексте "Слова" уже в новом осмыслении "босого"- т.е. первоначально "бусова" - волка" не позволяет со всей определенностью настаивать на предлагаемой реконструкции толкования поэтического образа, то сохранившийся контекст с "бусовыми вранами" ("боусовы врани възграяху у Плъснеска на болони") делает возможным отнести всю фразу к наиболее архаическому пласту реалий, уводящих исследователя в область Балканской (Дунайской) археологии (Дунай, Траян и др.), где на валах какого-то Плеснеска (возможно, в предградье Плиски весной 972 г.) могли появиться "бусовы враны" - воины Святослава Игоревича, продолжавшие на Черном море традиции готских викингов.

"Дивь кличет върху древа, велитъ послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканьскый блъванъ".

Комментарий к слову "дивѣ" ("дивь"), приведенный в "Слова-

---

33 Младшая Эдда, Л., 1970, стр. 69 и др.

ре-справочнике...", далеко не исчерпывает всех толкований, предложенных за истекшее время исследователями и переводчиками [34]. Кроме неведомого божества из круга славянской или индо-иранской мифологии, дозорного на кургане (или на дереве), "дикого" половца и других объяснений этого, не совсем ясного места в тексте "Слова", часть исследователей видит в "диве" представителя царства пернатых. Наиболее подробно объяснил "дива", как "филина" Е.В.Барсов, хотя его точка зрения преобладающего признания не получила. В последние годы возник интерес к старому предположению Л.Гая – Д.Н.Дубенского, что "див" является искажением первоначального "диеб" или "деб", обозначавшего в западно-славянских языках птицу удода. Наиболее убедительное историко-литературоведческое подтверждение эта догадка получила в работе С.В.Шервинского, обратившего внимание на устойчивую функцию удода в средневековой поэзии Востока, где он исполняет роль вестника [35]. В тексте "Слова" эта функция реализуется обращением "дива" при виде выступившего в поход Игоря к "землям незнаемым", перечисленным поименно, со включением в их число "тьмутороканьского блъвана".

Само по себе прочтение "дива" как "удода" не вызывает особых возражений потому, что в "Слове" упомянуты многие виды зверей и птиц. И все же, несмотря на убедительность приводимых аргументов, можно заметить, что переводчики, в том числе и сам С.В.Шервинский, не решились на замену "дива" его реаль-

[34] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". – Л., 1967. Вып.2. – С.29-31.

[35] Шервинский С.В. "Дивъ" в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. – С.134-140.

ным прототипом. Причину этого следует искать, по-видимому, в явной несоразмерности маленькой птички с очень негромким голосом той грандиозной картине, в которую включен "див", а вместе с тем и в дисгармонии удода с образом зловещего вестника той реальности, которая его окружает.

По-видимому загадка "дива" требует не одного, а нескольких решений, каждое из которых будет соответствовать определенному семантическому (и хронологическому) уровню текста древнерусской поэмы. В этом случае крайними определениями "спектра" возможных толкований "дива" окажется, с одной стороны, признание его мифологической природы, а с другой - концепция Гая - Шервинского. Соединяющим их звеном при этом будет фольклорная интерпретация "дива" Е.В.Барсовым, основанная на словах его информаторов в Олонецком крае, что "див - птица-укальница, серая как баран, шерсть на ней как войлок, глаза как у кошки, ноги мохнатые, как у зверя, птица она вещая - села на шелом - ожидай беду. Сидит она на сухом дереве и кличет, свищет она по-змеиному; кричит она по-звериному; с носа искры падают, из ушей дым валит" [36].

За всей фантастичностью описания можно видеть два слитых воедино, а на самом деле различных образа. Первый из них - оказывается обычным филином или полярной совой; второй - мифологическим персонажем, идущим из глубокой древности. Из каких черт складывался этот образ, как трансформировался в течение веков, сказать пока трудно, это тема специального исследования. Здесь может быть много влияний и наслоений, в том числе и литературных реминисценций, поскольку, начиная с "Задонщины",

[36] Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1884, стр. 370.

то есть с конца XIV века, можно видеть традиционность мифологического толкования "дива" с горестным, зловещим оттенком, – тем самым, который мы находим в "Слове о полку Игореве". В силу этого с достаточной долей вероятия можно утверждать, что в тексте "Слова" загадочный "див" уже изначально представлялся неким зловещим феноменом, чей образ , однако, в сознании автора "Слова", его читателей и переписчиков еще не получил достаточно отчетливых очертаний. Должно было пройти определенное время пока, вогнездившись в древнерусской литературе, "див" перешел в народное сознание уже с какими-то специфическими чертами. Поэтическая интуиция лучших переводчиков "Слова", вопреки толкованиям исследователей, сохранила этот зловещий образ.

Таков "див" первого, верхнего пласта "Слова". Однако здесь он не первичен. Доказательством вторичности использования "дива", появляющегося вместе с текстом Бояна, может служить развернутое перечисление "земель незнаемых" (Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню"), вовсе не являющихся таковыми, что позволяет видеть в этом перечне интерполяцию, разрывающую текст, который восходит к XI в. и связан с Романом Святославичем [37].

Только на этом, более древнем уровне можно попытаться установить первоначальное значение слова "див". Перечисление географических ориентиров, в ряду которых находился и "тьмутороканьский блъванъ", переносило внимание читателя на адресатов, к которым обращался "див" с каким-то ("велит послушати" – что?) известием. Изъятие из поэтической фразы разрывающего ее переч-

---

[37] Никитин А.Л. "Слово о полку Игореве": загадки и гипотезы... стр. 150.

ня-интерполяции соответственно меняет и ее смысл. В то же время собственно обращение "дива" к тьмутороканскому блъвану, чье изначальное присутствие в тексте подтверждается ритмическим рисунком фразы, повисает в воздухе. Другими словами, изъятие интерполяции сразу ставит вопрос о смысловой соотнесенности между "дивом" и "блъваном", становящимся, таким образом, в один ряд с "землями незнаемыми".

В отличие от "дива", сущность которого мало занимала исследователей "Слова", может быть в связи с интуитивным его постижением на верхнем семантическом уровне текста, "тьмутороканьскый блъванъ" на протяжении всего двухвекового изучения древнерусской поэмы будил воображение, оставаясь одной из самых трудных ее загадок.

В нем предполагали видеть статую, истукана, святилище, половецкого хана, знаменитого богатыря, владельца Тьмутороканя, Таманский полуостров, Керченский пролив, иранское слово "пэглеван", камень с надписью Глеба и многое другое [38]. Толкований было много, и все же, следуя поэтической интуиции, как и в случае с "дивом", переводчики "Слова" предпочитали оставлять его без перевода в ряду географических названий. Иными словами, они следовали примеру автора "Слова", для которого загадочная фигура в системе поэтических образов играла роль лишь одного из ориентиров, позволяющих отметить пространственный окоем героико-эпического действа.

Необходимость точного выяснения природы "тьмутороканского блъвана" возникает только при изучении поэтического наследия

---

[38] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып. I, стр.56 - 58.

Бояна. Эпическая, поэтическая, мифическая Тьмуторокань XII века при рассмотрении ее в реальности второй половины XI в., приобретает вполне конкретные черты далекого окраинного городка, ставшего последним оплотом сыновей Святослава Ярославича после его смерти. Где конкретно находился этот город, сейчас не имеет значения: вероятнее всего его следует искать не на Таманском полуострове, а где-то в верховьях Дона, на территории, только контролируемой Черниговом, там же, где находился схожий с ним по словообразованию город Шарукань.

Как мы знаем, именно оттуда, из Тьмутороканя, в июле 1079 г. выступил в свой последний поход тьмутороканский князь Роман Святославич, один из главных героев поэмы Бояна. Поход этот был верхом безрассудства и героизма: Роман был еще слишком молод для такого предприятия, опирался он, по-видимому, только на "диких половцев", от которых и принял смерть, начало похода сопровождалось солнечным затмением I июля 1079 г. [39]

Эти обстоятельства позволяют полагать, что "див" - на этом семантическом уровне просто "вестник" - обращался к Роману с каким-то предупреждением, именуя его "тьмутороканьским бльваном". Если оставить пока в стороне обращение, где "бльванъ" оказывается синонимичен "князю", мы обнаружим в этой логической посылке несколько уязвимых мест. Во-первых, обращение "дива" к Роману предполагает отсутствие союза "и", что сразу нарушает ритмический рисунок фразы; во-вторых, вестник должен передать какое-то сообщение, которому нет места в поэтической ритмике фразы. Отсюда мы должны заключить, что сообщение адресовано "землям незнаемым" и оно здесь уже присутствует. В-третьих, любое со-

---

[39] Никитин А.Л. "Слово о полку Игореве": загадки и гипотезы... стр. I49.

общение, адресованное Роману в данной ситуации, оказывается лишено смысла, поскольку он уже перешел свой "Рубикон" и "диву"-вестнику остается только славить его отвагу и дерзость. В этом и заключается его обращение к "землям незнаемым", которым он "велит послушати" о героизме тьмутороканьского князя ("о тебе..."). Так единственно возможным предлогом в изначальном тексте Бояна оказывается предлог "о", на месте которого при перечне земель было поставлено "и".

Теперь, когда стала понятна связь "дива" с Романом Святославичем, можно попытаться выяснить, что означает его странный титул. Пытаясь решить загадку "тьмутороканьского блъвана" исследователи упустили из вида поэтическую образность "Слова", восходящую своими истоками к литературному этикету XI в. Я имею в виду так называемую "соколиную образность" древнерусской поэмы, на что указывали многие литературоведы, в первую очередь В.П.Адрианова-Перетц, посвятившая этому вопросу специальные главы своего исследования [40]. В результате было твердо установлено, что при всей широте зоологических уподоблений, образ "сокола" в "Слове" неизменно синонимичен понятию "князь"; последние, в свою очередь, уподобляются как отдельным птицам, так и "гнезду" соколов с тонкими оттенками своеобразной иерархии видов.

По отношению к Роману Святославичу "див" употребил видовое название, широко распространенное в то время, но на Руси забытое уже к началу ХУШ века - "бълъбанъ" - "балабан, болобан", название одного из наиболее крупных и красивых степных соколов, в знаменитой соколиной охоте царя Алексея Михайловича именован-

[40] Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XШ веков. - Л., 1968. - С.19-20.

шихся "подкрасными кречетами" [41]. Память об этих "князьях" пернатого царства южнорусских степей сохранилась до нашего времени в довольно распространенной фамилии Балабановых (в России зафиксированной с ХУI века), а на Волыни и в Галиции - в имени дворянского рода Балабанов. Одно из древнейших упоминаний этого термина в качестве имени собственного в форме "Балованъ" отмечено М.Морошкиным в польских кодексах ХП века [42]. Таким образом восстанавливаемая фраза поэмы Бояна "Дивъ кличетъ върху древа, велит послушати земли незнаеме о тебе, тьмутороканьскый бълъбанъ", с наибольшим вероятием может быть переведена как "дивъ с вершины дерева обращается ко всем, вплоть до крайних земных пределов, призывая послушать о тебе (о твоем героизме), тьмутороканский сокол!"

В связи с этим можно предположить, что почти не искаженная строфа, восходящая к Бояну и сохранившая единственное число, однако использованная автором "Слова" для загадочных "Романа и Мстислава", о которых до сих пор идут споры, "высоко плаваеши на цело въ буести// яко соколъ на ветрехъ ширяяся // хотя птицю въ буйстве одолети", по-видимому, прямо взята из характеристики Романа, почему и соответствует обращению "дива".

Так кто же этот "див" в своем первоначальном виде? Вопрос, как мне кажется, теперь может быть решен с максимальной вероятностью. Выше, цитируя Е.В.Барсова, я отметил "двуликость" северного "дива", отразившего двойственную природу народного мифотворчества, в котором меня заинтересовал неожиданно реалистический и,

[41] "Книга глаголемая урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути" // Собрание писем царя Алексея Михайловича. - М., 1856.

[42]. Морошкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен. - СПб., 1867. - С.7.

по-видимому, не случайный атрибут: сухое дерево.

Если вернуться к толкованию "дива" как птицы удода, не принимая во внимание отмеченное выше его физическое несоответствие масштабу всей картины, эта деталь окажется случайной и ни о чем не говорящей. Однако у удода есть соперник. Если быть точным, в системе средневековой восточной поэзии удод занимает место не герольда, а посланника, вестника. Настоящий герольд - аист, а он, как известно, обитает исключительно на сухих деревьях, башнях, минаретах, как аналогах все того же "сухого дерева": без листвы, в которой могут скрываться враги, и без живых соков, притягивающих молнию. Может быть "дивъ" - аист?

Действительно, в древнерусском азбуковнике ХУI века, происходящем из Соловецкого собрания, сохранилось забытое, не вошедшее в словари, название аиста (журавля) - "зивь" [43], что графически гораздо ближе написанию "дивь", чем указанные "диеб" или "деб" западнославянских наречий. Таким образом, народное сознание, трансформировав образ "дива" в соответствии с географическими условиями и бытом, в памяти своей сохранило реалистическую и, пожалуй, самую характерную черту забытого прототипа - "сухое дерево", только теперь находящее себе объяснение.

В этой связи стоит упомянуть о специальном исследовании словосочетания "върху древа", которое выполнил один из лучших знатоков древнерусского и болгарского языков профессор Н.М. Дылевский [44]. Он пришел к заключению, во-первых, о присутствии здесь безусловно древнеболгарской языковой конструкции с предлогом "върху", что может служить дополнительным аргументом в

---

[43] Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. - Казань, 1877. - С.18.

[44] Дылевский Н.М. Заметки к "Слову о полку Игореве" // Известия на Института за български език. - София. Кн.ХУI. - С.269-279.

пользу принадлежности отрывка тексту Бояна; во-вторых, о намеренной акцентации местонахождения "дива" не просто на дереве, но именно на вершине его, как то свойственно для аиста...

Замена удода на аиста в первоначальном тексте Бояна, посвященного выступлению Романа Святославича в его первый и последний поход из Тьмутороканя, на башнях которого и на сухих деревьях при дороге должны были обитать аисты, поднимавшие крик при виде проходящего внизу войска, резко меняет всю поэтическую картину. Она приходит в соответствие не только с реальным пейзажем, но и с литературным этикетом того времени.

"Бориса же Вячеславича слава на суд приведе, и на Канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя".

Неожиданный в контексте "Слова" фрагмент, сообщавший о судьбе некоего Бориса Вячеславича, непосредственно не связанного с сюжетом "Слова" и никак на него не влияющего, неизменно привлекал внимание исследователей древнерусской поэмы. Правда, их основной интерес был направлен на выяснение места и обстоятельства гибели Бориса, так и не получивших окончательного прочтения, хотя общий смысл выражения "на Канину зелену паполому постла" в свое время был достаточно убедительно истолкован Д.С.Лихачевым, опиравшимся на доводы своих предшественников, в первую очередь К.В.Кудряшова [45].

Значительно меньше внимания было уделено самому Борису Вячеславичу, в том числе его взаимоотношениям с Олегом (Святославичем), который здесь указан в качестве основного виновни-

---

[45] Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический... С.442.

ка гибели Бориса. О Борисе известно крайне мало [46], но и то, что известно, нуждается в проверке. Причину следует искать, по-видимому, как в мнимой ясности содержания фразы, так и в существовании статьи 6586 года, повествующей о битве на Нежатине ниве и дошедшей до нас в составе "Повести временных лет" в трех главнейших списках - Лаврентьевском, Ипатьевском и Радзивилловом, - где упоминание Бориса Вячеславича текстуально совпадает с тем, что мы находим в "Слове о полку Игореве": "убиша Бориса, сына Вячьславля, похвалившася велми". Между тем исключительность такого совпадения двух независимых источников, летописи и поэтического произведения, могла бы заставить задуматься над его причинами и проявить больший интерес к личности князя, о котором ни раньше, ни позже мы не находим никакого упоминания в летописных сводах.

Таким образом, вопрос о Борисе Вячеславиче прямо связан, с одной стороны, с текстологическим изучением "Слова" и его взаимоотношениями с другими письменными памятниками той эпохи (в данном случае, с памятниками русского летописания, на что осо-

---

46 Настолько, что "Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" объявляет его "князем Тъмутороканским" (Вып.I. С.61). Я оставляю в стороне предположение Б.И.Яценко о Борисе Вячеславиче, якобы сыне Вячеслава Владимировича (Яценко Б.И. Кто такой Борис Вячеславич "Слова о полку Игореве"? // ТОДРЛ. Л. 1976. Т.XXXI. С.296-304) из-за отсутствия у автора каких-либо фактических аргументов и потому, что оно противоречит прямому указанию летописного текста о предложении Олега Борису обратиться "с молбою к стрыема своима", полностью исключающему возможность считать Бориса двоюродным братом Изяслава и Всеволода Ярославичей.

бое внимание обращали "скептики"), а с другой - с выяснением той исторической действительности, которая нашла свое отражение в "Слове" и в летописях.

Фраза с припоминанием судьбы Бориса Вячеславича находится в отрывке, сообщающем об отдельных фактах ситуации 1078 г.: выступлении Олега Святославича из Тьмуторокань, чтобы овладеть Черниговом, и смерти "отца Святополка" - великого киевского князя Изяслава Ярославича, погибшего 3-го октября того же года во время битвы на Нежатине ниве. Большинство исследователей согласно, что все указанные сведения автор "Слова" заимствовал непосредственно у Бояна - или в составе текста, или пересказав их [47]. Сами упоминания и форма, в которой каждое из них изложено, друг с другом никак не связаны. Это важно подчеркнуть с самого начала, поскольку присутствие в интересующей нас фразе частицы "же" ("Бориса же Вячеславлича") дошедшим до нас текстом не оправдано, оставляя гадать, относится ли она к отчеству Бориса или к причинам его прихода "на суд". В первом случае ее присутствие вызвано - по-видимому - неожиданностью появления в тексте ничего не говорящего читателю имени Бориса, требующего уточнения; во втором - желанием подчеркнуть то обстоятельство, что Борис погиб, отстаивая дело Олега. Мне представляется, что здесь мы имеем дело со вторым случаем, и вот почему.

В момент смерти Святослава Ярославича, последовавшей 27.ХП. 1076 г., его сын, Олег Святославич, находился на княжении во Владимире Волынском. Переход киевского престола к Всеволоду Яро-

[47] Тихомиров М.Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. - М.; Л., 1950. - С.175-187; Рыбаков Б.А. Указ. соч. - С.439-471.

славичу ничего не изменил в положении Олега. Можно думать, что какое-то время ситуация оставалась прежней и после возвращения Изяслава Ярославича из Польши, во всяком случае – до весны 1078 г, когда Олег был "выведен" из Владимира и оказался на положении пленника у Всеволода в Чернигове. 9.IV.1078 г. Олег присутствовал на обеде, который давал своему отцу Владимир Мономах вернувшийся из Смоленска. Факт этот не подлежит сомнению, потому что подтверждается летописной статьей и перечнем походов в "Поучении" Владимира Мономаха. На следующий день в силу каких-то обстоятельств Олег бежал из Чернигова в Тьмуторокань, к своему брату Роману, где уже находился Борис. Последний пытался перед этим в мае 1077 г. захватить Чернигов, но прокняжил там только восемь дней [48].

Что произошло с Олегом на званом обеде у Владимира Мономаха – мы не знаем. Самое общее указание в тексте "Слова" каких-то обстоятельств ("за обиду Олгову") позволяет весьма широко толковать эту фразу. Равным образом "обидой" можно посчитать лишение Олега владимирского княжения и содержание его под присмотром Всеволода в Чернигове, городе, который Олег с полным основанием считал своей "отчиной", поскольку там находился отцовский дом, в котором он рос с братьями, к тому же Чернигов был "дан" его отцу еще дедом, Ярославом Мудрым. "Обида" могла быть нанесена Олегу и непосредственно во время пира, что толкнуло его на немедленное бегство. Труднее рассматривать в качестве "обиды Олговой" смерть его старшего брата Глеба, последовав-

---

48 В лето 6585. ПСРЛ, т.II, издание 2-е, стб. 190; ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стб.247; Орлов А.С. Владимир Мономах. М.-Л., 1946, стр. 142-143.

...дут 30 мая 1078 г. "за Волоком" [49], поскольку это в равной мере касалось всех Святославичей.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты, их последовательность и взаимосвязь, позволяют видеть в выражении "за обиду" не иносказание, а вполне конкретный предлог появления Бориса вместе с Олегом в августе 1076 г. сначала на Сожице (Оржице), где они наголову разбили Всеволода Ярославича, а потом - на Нежатине ниве, где Борис был убит, после чего Олег с остатками дружины бежал в Тьмуторокань. Но при чем здесь "слава"? - возникает вполне естественный вопрос. Примирить две названные причины гибели Бориса - "жажду славы", как переводят это место комментаторы "Слова" [50], и чужую обиду - возможно только в одном случае: истолковав "славу" как "просьбу". В этом значении глагол "славить" еще недавно можно было встретить в живой речи поморов Терского берега. Он употреблялся в том случае, когда просьба бывала подкреплена похвалой в адрес того лица, к которому с ней обращались. Так, перемежая духовные стихи с просьбами о подаянии "славили" хозяев ряженые на святках. Пример именно такой "славы" можно найти в "Слове": обращение автора к владимиро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу с просьбой о помощи и восхвалением его мощи. Другой пример подобной "славы" отмечен в ПВЛ под 1068 г., когда восставшие киевляне прогнали Изяслава, освободили из поруба Всеслава Брячиславича полоцкого, после чего "прославиша й среде двора княжа" [51]. Это означает, что к не-

[49] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. - М.; Л., 1950. - С.10.

[50] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". - Л., 1978. Вып.5. - С.158.

[51] ПСРЛ. Т.I. - Стб.171.

му обратились с просьбой занять киевский престол, а вовсе не с исполнением в его честь хвалебных песен (кто и когда их сложил?).

Кстати сказать, тот факт, что инициатором похода на Всеволода был именно Борис, а не Олег, литературно подтверждается якобы состоявшимся разговором между ними перед битвой на Нежатиной ниве. Согласно автору рассказа, Олег, увидев объединенные силы Изяслава и Всеволода, обратился к Борису с предложением не вступать в бой, а попытаться решить дело переговорами. На это Борис довольно резко ответил, что Олег может отойти в сторону, а он будет биться со всеми четырьмя князьями. Далее, весьма непоследовательно, автор добавил: "и похваливсь велми, не веды, яко бог гордым противится, смиренным же благодать даеть, и да не похвалится силни силою своею". А строчкой ниже, сообщив о происшедшей битве, констатировал: "и первое убили Бориса, сына Вячьславля, похвалившася велми" [52].

Как можно видеть, и первое, и второе сообщение о Борисе удивительным образом расходится с его собственными словами, не содержавшими никакой похвальбы, а, тем паче, гордости. В них звучит лишь твердая решимость Бориса идти до конца. Больше того, приведенная сентенция против сильных, похваляющихся силою своею, оказывается прямо опровергнута случившимся. Олег и Борис пришли с настолько малыми силами, что войску Изяслава не пришлось вступать в сражение. Вот почему комментарий к разговору Бориса с Олегом представляется мне прямым следствием фразы, сообщающей о смерти Бориса, а та, в свою очередь, обязана

[52] В лето 6586. ПСРЛ, т. II, издание 2-е, стб.192.

своим появлением соответствующему пассажу в "Слове", в результате чего "слава" была истолкована как "похвальба" ("похвалився велми". "похвалившася велми").

Как это могло произойти? Написанная по заказу если не самого Всеволода Ярославича, то его потомков, повесть о вокняжении Всеволода Ярославича, и о битве 1078 г., как хорошо показал в свое время М.Х.Алешковский, не содержала погодных дат, разрывающих теперь повествование [53], представляя собой не хроникальное, а литературно-художественное произведение (содержание многочисленных личных разговоров, сентенции, панегирик, плачи), значительно позднее приспособленное для "Повести временных лет". Во время последней переработки она поверялась другими, в том числе и "внелетописными" памятниками, дополнялась вставками календарного (о похоронах Глеба Святославича в Чернигове) и генеалогического характера самого различного происхождения. Так из "Слова" в нее мог попасть "Борис Вячеславич".

Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. В древнейших списках "Новгородской Первой летописи" (далее НIЛ) под 6586(1078) годом содержится краткое известие о бегстве Олега в Тьмуторокань и его победе над Всеволодом на "Съжицяхъ", а также о битве под Черниговом, где "убьена быста 2 князя: Изяслав и Борис". Как можно видеть, у этого краткого сообщения оказывается тот же источник, но, по-видимому, еще не содержавший отчества Бориса. Это еще раз убеждает в его позднем появлении в тексте повести, делая упоминание "Слова" об этом князе уникальным и требующим всестороннего рассмотрения.

Участие Бориса Вячеславича, по предположению генеалогов -

---

[53] Алешковский М.Х. Повесть временных лет. М., 1971.

сына рано умершего смоленского князя Вячеслава Ярославича, в борьбе своих двоюродных братьев, сыновей Святослава Ярославича, за отцовское наследие, совершенно необъяснимо. Во-первых, мы не знаем, были ли вообще у Вячеслава Ярославича дети и какова их участь - потомство этого смоленского князя никому неизвестно. Во-вторых, при полной безвестности Бориса Вячеславича до 4 мая 1077 г., непонятна его попытка захватить Чернигов. Тем более совсем необъяснимо согласие черниговцев (летописная повесть отмечает, что он прокняжил в этом городе 8 дней), принять его своим князем, поскольку никакого отношения к Чернигову он не имел. Между тем в глазах черниговского боярства и остальных горожан этот Борис обладал правами на их город большими, чем тот же Владимир Мономах, которому в конце сентября 1078 г. они оказали упорное вооруженное сопротивление.

Вот почему, следуя за выводами некоторых своих предшественников, я склонен видеть в "Борисе" летописной повести, а, вместе с тем и в "Слове о полку Игореве", не "Вячеславича", а "Святославича", как то прямо указывает В.Н.Татищев. Опираясь на неизвестные нам источники, он сообщает, что Борис Святославич был посажен отцом в Вышгороде, откуда после его смерти попытался укрепиться в Чернигове, но в силу каких-то причин по истечении восьми дней бежал в Тьмуторокань[54]. Действительно, по возвращении Изяслава в Киев, на свободный вышгородский престол был посажен Ярополк Изяславич[55]. Похоже, что после смерти Глеба Святославича Борис становился старшим в семье и был, так сказать, братьям "в отца место", а вместе с тем оказывал-

[54] Татищев В.Н. История Российская. - М.; Л., 1963. Т.II. - С.90-91.

[55] ПСРЛ. Т.I. - Стб.200; ПСРЛ. Т.II. - Стб.191.

ся первоочередным претендентом на "отчину", город Чернигов, который захватил у племянников Всеволод Ярославич. Это объясняет, почему именно Борис возглавил поход из Тьмутороканя, почему он (а не Олег) в первую очередь претендовал на Чернигов, почему считал себя обязанным мстить "за обиду Олгову, храбра и млада князя".

Признание фразы с упоминанием "Бориса Вячеславича" в летописной повести относительно поздней интерполяцией, позволяет искать первоначальную писцовую ошибку или в позднем списке поэмы Бояна, находившемся в руках автора "Слова", или в одном из ранних списков самого "Слова", когда потеря начального "с" привела к неправильному воспроизведению слога "-то-", воспринятого как "-че-". Палеографически это легко допустимо при чашевидном "ч", в ряде случаев позволяющем прочесть его как "т" и наоборот. Не стоит забывать Ипатьевский список ПВЛ, где в этом месте - именно в отчестве Бориса, - слог "-че-" оказывается переправлен из какого-то другого [56]. Наконец, важно указать, что определенная группа летописных сводов сохранила безусловное свидетельство существования несколько иного извода летописной повести, где в качестве действующего лица указан именно Борис Святославич. Следы соединения двух версий можно видеть в списках, восходящих, например, к редакции "Новгородской Пятой летописи", где Борис представлен в двух ипостасях - как "Борис Святославич" и как "Борис Вячеславич", причем Борис Святославич в битве на Нежатиной ниве сражается на стороне Изяслава против Олега и Бориса Вячеславича [57].

[56] ПСРЛ. Т.П. - Стб.192.

[57] ПСРЛ. - Пг., 1917. Т.IУ, ч.2: Новгородская пятая летопись. Вып.I. - С.136.

Приведенные аргументы - отсутствие известий о потомстве Вячеслава Ярославича, включение Бориса в число сыновей Святослава Ярославича, его претензии на Черниговский престол, главенство в походе 1076 г. над Олегом, зависимость летописной повести от "Слова", наличие летописной традиции, указывающей Бориса Святославича в событиях 1078 г., и ряд других соображений, - позволяют видеть в "Борисе Вячеславиче" не сына смоленского князя Вячеслава Ярославича, а одного из сыновей Святослава Ярославича, родного брата Олега и Романа. Правда, на пути такого заключения стоит не только традиция, но и знаменитая миниатюра фронтисписа "Изборника Святослава" 1073 года, где среди поименованных сыновей Святослава Ярославича Бориса нет.

Несколько лет назад, чтобы преодолеть такое препятствие, пришлось бы прибегнуть к аргументам, использованным в своей работе Р.В.Зотовым[58]. Теперь, после тщательного исследования и реставрации всего "Изборника" во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации (ВНИИР) реставратором высшей квалификации Г.З.Быковой, положение изменилось[59]. Собственно откры-

---

[58] Зотов Р.В. О черниговских князьях по "Любецкому синодику" и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб, 1892, стр.260, прим. 36: "вероятно, его еще не было на свете во время составления рисунка, или он уже умер ранее этого времени".

[59] Пользуюсь случаем высказать свою искреннюю благодарность зав. сектором реставрации рукописей ВНИИР Г.З.Быковой за предоставленную возможность использовать в своей работе сделанные ею наблюдения и фотодокументы, из которых не все нашли свое отражение в статьях сборника "Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983.

тие, меняющее наши прежние представления об "Изборнике" 1073 года, связано с изучением теперешнего 1-го листа рукописи, несущего на оборотной стороне (фронтиспис) изображение семьи великого князя с цитатой псалма Давида вверху страницы и надписью над головами изображенных "Глѣбъ. Ольгъ. Да(вы)дъ. Романъ. Ярославъ. княгыня. Святославъ". В литературе уже высказывалось соображение, что "Изборник" 1073 года первоначально предназначался не для Святослава Ярославича, а для Изяслава, и только изгнание последнего заставило в уже готовой книге заменить фронтиспис, приведя ее в соответствие с новым заказчиком [60]. Вопрос этот достаточно спорен. Но вот что интересно: после того, как рукопись была расшита, было установлено, что лист с миниатюрой вшит в тетрадь не своим правым (от зрителя) подогнутым краем, как то можно было предполагать, а пришит к специально вставленому фальцу [61].

Произошло так потому, что сам лист с уже имеющейся на нем миниатюрой, но еще без надписи (или с какой-то другой надписью), был вырезан из уже готовой книги, если судить по пергамену - несколько более старой, к тому же большего формата. Последнее хорошо видно по новой обрезке листа, сохранившего неизменным левое поле до 6,5 см шириной, тогда как от правого, примыкающего к узкой полоске фальца, сохранилось не более 2-3 мм. Другими словами, правое поле было обрезано почти вплотную к изображению. То же самое относится и к верхнему краю листа и к его общей высоте, о которой можно судить по едва заметным остат-

[60] См.: Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. - М., 1977.

[61] Быкова Г.З. Технико-технологические особенности рукописи Изборника 1073 г. // Древнерусское искусство. - М., 1983. - С.104.

кам верхнего и нижнего тератологического фриза, аналогичного имеющемуся на миниатюрах "Изборника", в том числе и Спаса, но здесь разнесенным друг от друга на большее расстояние. При этом верхний фриз, как можно видеть, был частично смыт для написания отрывка псалма.

И все же для нас наиболее важен факт, что строка с перечнем членов великокняжеской семьи оказывается написанной после извлечения листа из его "родной" рукописи. Об этом свидетельствует начертание букв, несколько отличающихся от почерка писца "Изборника" (впрочем, отличаются и почерк написания псалма от почерка "похвалы" над Спасом), а главное – "излом" правого края строки с перечнем членов великокняжеской семьи, что безусловно свидетельствует о ее появлении после обреза листа. В числе второстепенных признаков, подтверждающих такой вывод, можно указать, например, на иной рисунок ограничительных розеток текста над семьей князя и над Спасом, а вместе с тем и на резко отличный общий декор миниатюры.

Основным декоративным мотивом "Изборника" 1073 года служат павлины, присутствующие на всех без исключения листовых миниатюрах, в том числе и на миниатюре Спаса. Естественно их было бы видеть и на листе с изображением княжеской семьи, если бы эта миниатюра была написана специально для этой книги. Однако здесь вместо павлинов группу окружают гриффоны. Один из них парит над книгой, которую держит в руках "Святослав" и частично обрезан; другой, сохранивший полностью свои очертания, но осыпавшийся, как бы замыкает шествие. В целом же вся композиция миниатюры с гриффонами резко подчеркивает свое отличие от всех прочих миниатюр "Изборника".

Перечисленные факты – иные исходные размеры листа с миниатюрой, его обрезка, позднее появление надписи, идущей несколько

косо, декор, смыв верхнего фриза и прочее, - позволяет настаивать на том, что эта миниатюра не предназначалась для данного "Изборника", а была заимствована из какой-то другой рукописи: или прямо происходящей из библиотеки царя Симеона болгарского (тератологические фризы, характерные для декора симеоновского времени), или из такой же, как "Изборник" 1073 года, только более древней копии еще какого-то симеоновского оригинала. В том, что появление миниатюры в "Изборнике" произошло значительно позже времени его изготовления, свидетельствует, как мне кажется, отсутствие имени жены Святослава, обозначенной просто "княгыня". Между тем она занимает центральное место в композиции, во всяком случае, наравне со "Святославом". Могло ли такое произойти при жизни этого князя, тем более, что ряд исследователей определяют ее как дочь графа Этлера Дитмархенского? [62] Сомневаюсь. Скорее подобное умолчание свидетельствует о значительном отрезке времени, прошедшем после ее смерти, когда имя бывшей великой княгини стерлось в памяти живущих и оказалось изъято из летописей, которые, кстати сказать, не знают и дочерей Святослава: о них нам сообщают только иностранные источники.

Все изложенное, как мне кажется, позволяет исключить выходную миниатюру "Изборника Святослава" 1073 г. из числа достоверных источников, свидетельствующих о составе семьи Святослава Ярославича. Что же касается источников летописных, то, опираясь на них, исследователи расходятся в определении общего ко-

---

[62] Пользуюсь случаем поблагодарить Д.В.Донского за предоставленную мне возможность в этом и в других случаях использовать рукопись его монографии "Генеалогия Рюриковичей (домонгольский период)", а также за неизменно ценные консультации.

личества детей этого князя весьма существенно. Не пытаясь решить здесь этот сложный вопрос, который должен стать предметом самостоятельного исследования историков, укажу только еще на одно обстоятельство, свидетельствующее в пользу существования у Святослава Ярославича сына Бориса.

Занимаясь историей возникновения памятника, известного нам как "Повесть временных лет", его редакций, купюр, замен и перестановок в тексте, М.Х.Алешковский обратил специальное внимание на время, причины и обстоятельства установления культа Бориса и Глеба в Русской земле. Текстологическое исследование памятников, связанных с этим вопросом, в том числе и летописных, привело историка к заключению, что инициатором канонизации первых русских святых был не Ярослав Владимирович, как то обычно считали, а Святослав Ярославич, чье дело потом ревностно продолжил его сын Олег, и только позднейшие редакторы постарались приписать все Всеволоду Ярославичу и Владимиру Мономаху[63].

В самом деле, имена Бориса и Глеба (Романа и Давыда) не отмечены у сыновей Ярослава Владимировича. Если не считать мифического, как я пытаюсь показать, "Бориса Вячеславича", нет их и среди большинства его внуков. Исключение составляют только сыновья Святослава, где из пяти достоверно известных нам (Глеб, Олег, Роман, Давыд, Ярослав) трое (!) носят их имена: два христианских, крестильных (Роман и Давыд), и одно языческое, ставшее после канонизации христианским (Глеб). Ввиду такого почитания естественно было бы видеть обе пары имен в соответствующей последовательности. Предположение, что крестиль-

---

63 Алешковский М.Х. Указ. соч. стр. 33-92.

ным именем Олега было "Борис" отпадает по той причине, что на основании "Любечского синодика" и "Хождения" Даниила ему усвояется крестильное имя Михаил [64]. Не означая абсолютную достоверность такого известия, факт этот заставляет все же направить поиски в другую сторону, отождествляя "Бориса Вячеславича" с вероятным "Борисом Святославичем". В таком случае появление имени Олега после использования первой пары имен новоявленных русских святых в их тогдашней иерархичности (Глеб и Борис), вполне закономерно, и можно искать причины, в силу которых Святослав при рождении двух следующих сыновей возвратился к использованию крестильных имен его "стрыев" по отцу и деду.

Предположение, что Вячеслав Владимирович мог назвать своего сына Борисом, поскольку один из двух князей был убит на Смядыни, возле Смоленска, где Вячеслав княжил, не выдерживает критики: на Смядыни был убит не Борис, а Глеб, к тому же, как показал М.Х.Алешковский, в то время Борис еще не был прославлен чудесами и только сопутствовал Глебу [65]. Кроме того в "Воскресенском летописном своде" первой половины ХУI в., в родословии великих князей рязанских и в перечне потомства Святослава Ярославича черниговского, в двух не связанных друг с другом статьях мы находим тот самый перечень его сыновей, к которому пришли в результате всестороннего рассмотрения этого вопроса: "А дети у Святослава черниговского: Олег, Ярослав, Борис, Глеб, Роман, Давыд" [66]; у Святослава черниговского де-

[64] Зотов Р.В. Указ.соч.; Путешествие игумена Даниила по Святой Земле, в начале ХП в. / Под ред. А.С.Норова. - СПб., 1864. - С.155, 160-161.

[65] Алешковский М.Х. Указ.соч. - С.87-88.

[66] ПСРЛ. Т.УП. - С.232.

ти: Давыд, Олег, Ярослав, Глеб. Борис, Роман"[67].

Итак, рассмотренные нами факты в их взаимоотношении позволяют видеть в "Борисе Вячеславиче" летописной повести о событиях 1078 г. и "Слова о полку Игореве" действительно Бориса Святославича. Ошибка в написании его отчества, возникшая, по всей вероятности, в первом или ближайшем к нему списке "Слова", в свою очередь повлияла на летописную повесть, уже включенную в "Повесть временных лет" в составе протографа"Ипатьевской летописи", но до возникновения Лаврентьевского списка или его протографа. Скорее всего это произошло тогда же, когда летописный рассказ о походе Игоря Святославича 1185 г. был дополнен вставками о "море" и "Каяле" в соответствии с текстом "Слова".

О времени и месте возникновения "Слова о полку Игореве"

Изучение исторических лиц, упомянутых в тексте древнерусской поэмы, их взаимоотношений, самой исторической реальности, отраженной в "Слове", поставили перед его исследователями вопрос о времени и месте написания этого произведения. Априорное мнение, господствовавшее в прошлом веке, согласно которому создание "Слова" относили к 1185 г. - году похода Игоря на половцев, - под давлением скептической критики неоднократно пересматривалось. Аргументация подобных уступок скептицизму строилась, как правило, на толковании тех или иных упоминаний возможных событий: походов Романа Мстиславича на половцев, упомянутых в числе народов, которые ему "главы свои поклониша"[68],

---

67 Там же. - С.242.

68 Котляр М.Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // Український Історичний журнал. 19̣̣̣̣5. № 1. С.117-120.

времени смерти определенных персонажей, к которым автор обращается за помощью, и так далее. Происходило так потому, что авторы подобных концепций рассматривали поэтический текст, содержащий в себе части разного происхождения, как исторический документ, обладающий силой юридического свидетельства. Они не принимали во внимание его литературную - более того, поэтическую, - природу, задачи, которые ставил перед собой автор, а также возможность многократных добавлений и искажений за время его существования в веках.

Другим затруднением при решении вынесенных в заголовок вопросов остается ограниченность наших знаний об историко-географической реальности того времени, поскольку, даже если мы примем с полным доверием хроникально-событийные известия, дошедшие до нас в составе неоднократно редактировавшихся летописных сводов, объем содержащейся в них информации почти всегда будет недостаточен для вынесения окончательного суждения по тем или иным частным вопросам. Общее количество имен князей и названий существовавших тогда населенных пунктов, которые нам известны, столь ничтожно, что всякий вывод приходится оговаривать его гипотетичностью. Так, например, соглашаясь, что автором "Слова" был уроженец южной Руси, черниговец или киевлянин, наиболее авторитетные исследователи вынуждены объяснять ошибками переписчиков странную географию тех мест, например, в случае с Сулой, которая "уже... не течет... к граду Переяславлю". И в самом деле, как объяснить это место - мы не знаем.

Все это затрудняет, но не лишает возможности в очередной раз попытаться проанализировать факты, содержащиеся в тексте

"Слова", на основании которых можно составить представление о времени и месте его возникновения.

Не разделяя системы аргументации и конечных выводов Б.А. Рыбакова, мне все же кажется, что он ближе других подошел к решению этой задачи, опираясь на факты, содержащиеся в самой поэме. Вряд ли "вопрос о том, когда написано "Слово о полку Игореве", по существу сводится к вопросу о том, когда Игорь бежал из плена [69]. Такая его постановка предполагает одноразовое написание всей поэмы, между тем накопилось достаточно много аргументов, свидетельствующих, во всяком случае, о двух этапах работы над ней ее автора, хотя и в пределах сравнительно небольшого отрезка времени. В связи с этим представляется, что обращение к князьям возникло первым, как и призыв "закрыть Полю ворота", до возвращения Игоря из плена, когда вопрос не потерял своей остроты. Все остальное было написано чуть позже, когда страсти улеглись, равновесие было восстановлено и первоначальное "ядро", переработанное и дополненное, приобрело - в соответствии с остальным текстом, - эпическое звучание, с каким воспринимались весенне-летние события к осени того же 1185 г.

Два этих временных рубежа - лето и осень 1185 г., - и определяют время написания "Слова" во всех его основных частях, причем наблюдения Б.А.Рыбакова в связи с упоминанием рязанских князей, как подручных Всеволода Юрьевича, оказываются одним из самых серьезных аргументов, подтверждающих раннюю дату сложения ядра поэмы [70].

---

69 Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. - М., 1971. - С.267.

70 Рыбаков Б.А. Русские летописцы... - С.494.

Посмотрим теперь, что можно сказать о месте ее возникновения, а, стало быть, и о вероятном ее авторе.

Согласно свидетельству летописных источников после пленения Игоря объединенные силы половцев разделились. Присутствовавший, но, как видно, не принимавший участия в битве Кончак в полном соответствии со своим расположением к Игорю ("поручился по свата Игоря") отправился не на северские города, а разорять землю давнего недруга Игоря - переяславльского князя Владимира Глебовича. Вряд ли то было, как полагает Б.А.Рыбаков, "иронией судьбы". Наоборот, Гзак (Кза), отправился в земли северских князей, пройдя их огнем и мечом [71]. После плена и связанного с ним огромного выкупа это был еще один сокрушительный удар по Игорю и его "братии", о котором - казалось бы - должен был обязательно упомянуть автор "Слова".

Ничего похожего в тексте мы не находим. Конечно, можно предположить, что такое упоминание имелось, а потом было утрачено, но рассуждение о возможных утратах сейчас не входит в нашу задачу. Анализ должен опираться на те факты, которые присутствуют в "Слове". И здесь мы с интересом должны отметить, что краткий перечень жертв половецкого набега летом 1185 г. ограничивается исключительно окрестностями Переяславля Русского. Таково упоминание битвы у Римова, указание на раны Владимира Глебовича, а главное - настойчивый призыв к князьям объединиться против Кончака, "поганого кощея", чтобы отомстить "за раны Игоревы". О Гзаке (Кзе) автор ничего не знает, как не знает он и того, что именно Кончак спас Игоря от унижений плена. Не знает он,

---

[71] ПСРЛ, т. П, издание 2-е, стб. 646.

по-видимому, и того, что в данный момент именно Гзак в землях северских князей, оставшихся без защиты, являет собой главную опасность для "жизни" - т.е. имущества, - Игоря, а, вместе с тем, и для других княжеств: "ворота Полю" были открыты в Посемье, а вовсе не у Переяславля...

Столь же интересным обстоятельством, определяющим политическую ориентацию автора воззвания, оказывается имя князя, стоящего первым в перечне князей, к которым он обращается с призывом о помощи. Это владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич "Большое гнездо", сын Юрия Долгорукого, неизменно претендовавшего на Переяславльское княжество и обладавшего им [72]. В отличие от отца, Всеволод Юрьевич проявлял мало интереса к Переяславлю Русскому, занимаясь устроением и расширением своих владений в междуречье Оки и Волги, хотя его связи с южной "отчиной" не прерывались. По-видимому и в самом Переяславле находились люди, для которых связи с далекой северо-восточной Русью были важнее и перспективнее, чем с Киевом и Черниговом, одинаково пытавшимися поглотить земли Переяславля. К числу таких сторонников владимиро-суздальских "Мономашичей", надо думать, принадлежал и автор "Слова", связанный с Владимиром-на-Клязьме быть может не только симпатиями, но и деловыми отношениями. Отсюда его хорошая осведомленность о положении дел на северо-востоке: намек на победоносный поход Всеволода в Волжскую Булгарию и на отношения с рязанскими князьями, которые начали портиться только в это самое время.

Приведенные факты, практически, исчерпывают перечень признаков, опираясь на которые можно пытаться определить время и мес-

---

[72] Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. - М., 1975. - С.118-144.

тонахождение автора "Слова о полку Игореве" в момент создания его центральной и наиболее важной программной части. Человек этот оказывается интересен не только широтой своих взглядов, начитанностью, образованностью, политической зоркостью, талантом писателя-публициста и поэта одновременно, но, в первую очередь, своей лояльностью по отношению к современным ему "ольговичам", в том числе к самому Игорю Святославичу, враждовавшему с Владимиром Глебовичем переславльским, одним из прямых потомков Владимира Мономаха и Всеволода Ярославича.

И здесь, на мой взгляд, возникает одна из любопытнейших ситуаций, на которую до сих пор почему-то никто не обращал внимания.

Исследователи в общем единодушны в признании того, что южнорусский летописный свод, продолживший "Повесть временных лет" в составе "Ипатьевской летописи", в целом, излагает историю XII в. с позиций "мономашичей". Однако в нем заметно не только лояльное отношение к "ольговичам", но и безусловный интерес к одному из них, а именно - к Игорю Святославичу, о котором здесь содержится сведений больше, чем в каком-либо еще летописном своде. Это же касается и летописной повести о походе Игоря в апреле-мае 1185 г., резко выделяющейся объемом и явной симпатией к его инициатору среди сообщений о том же событии других летописей. Причин тому называли много, но, как правило, авторы гипотез исходили из общих соображений, не основанных на фактах, содержащихся в самом тексте. Внимательный читатель указанной повести может видеть, что главный сюжет повествования - рассказ не о военной неудаче Игоря, а о его раскаянии по поводу ссоры и междоусобицы с Владимиром Глебовичем переяславльским.

С точки зрения автора повести, поражение Игоря – возмездие за то, что он "взял на щит город Глебов у Переяславля". Именно в этом грехе кается Игорь, прежде чем отдаться в руки половцам. Это – катарсис, очищение, которое подтверждает и автор повести, развивая свою мысль далее: "И се богъ казня ны, грехъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя их, но нас казня и обращая ны к покаянью, да быхомся востягнули от злыхъ своихъ дель..." Очищение произошло, Игорь осознал свою главную вину, готов принять плен как должное и долгое наказание, но тут вступается Провидение: "избави й господь за молитву хрестьянску"[73].

Согласно повести, вернувшись домой, Игорь тотчас же отправился в Чернигов, а оттуда – в Киев. Извиняться перед Святославом Всеволодовичем и просить у него военной помощи на половцев, у которых в плену остались его сын, племянник и брат? Сомнительно. Ни в ту осень, ни на следующий год похода не было, между тем Игорю "рад бысть... Святослав, также и Рюрик сват его". Просить деньги на выкуп близких из плена? Вряд ли бы Святослав и Рюрик радовались бы такой просьбе. Причина радости, по-видимому, заключалась не в избавлении Игоря из плена, а в чем-то другом. В признании своей вины перед Владимиром Глебовичем? Но прежде чем ответить на вопрос, попытаемся взглянуть на него сквозь призму "Слова".

Если первоначальная просьба обращения к князьям сводилась к их объединенному выступлению против Кончака и помощи Владимиру Глебовичу переяславльскому, то в окончательном тексте поэмы призыв, в полном соответствии с назиданием летописного рассказа, состоял в отказе от усобиц. Это общепризнано. Забыто

[73] ПСРЛ, т. П, издание 2-е, стб. 649.

другое – указание автора на вполне определенную вражду между "мономашичами" и "ольговичами", о чем постоянно вспоминает поэма. Переработка текстов Бояна, рассказывающих о начале этой вражды, дала возможность автору "Слова" не просто использовать "старые словеса", но и в полной мере реализовать "замышление Бояна", заключавшееся в призыве к миру на Русской земле между потомками "старого Владимира", каким для Бояна был Владимир I Святославич. Битвы конца 70-х гг. XI в. между сыновьями Святослава и Всеволодом неожиданно получили свое продолжение в 1185 г.: поход Кончака на Переяславльскую землю и на Переяславль был прямым следствием ссоры "мономашича" (Владимира Глебовича) и "ольговича" (Игоря Святославича), причем виноват был, безусловно, первый из них. За отказ Игоря пустить его перед полками во время общего похода, Владимир Глебович бросился, вместо половцев, грабить и жечь владения новгород-северского князя [74]. С другой стороны, в мае-июне 1185 г. Кончак не просто грабил Переяславльское княжество: он мстил переяславльскому князю за Игоря. Вот откуда прямо звучащая параллель с "наведением поганых на Русскую землю", как то делал Олег Святославич.

Затихшая было за столетие вражда, неожиданно вспыхнув, готова была разжечь безумный пожар усобиц, в который оказались бы втянуты большинство князей обеих фамилий, а вместе с ними и дружественные им половцы, куда крепче связанные теперь родственными узами с русскими князьями, чем во второй половине XI в. Не случайно образ Карны и Жли, помчавшихся по Русской

[74] В лето 6691(1183)г. Там же, стб. 628-629.

земле "смагу мычючи в пламяне розе" заставляет невольно вспомнить точно такой же образ "сеятеля огня раздоров" в исландской "Саге о Ньяле" [75].

Автор "Слова" вовремя понял эту опасность. Поэма была обращена не только к князьям, но, в первую очередь, к Игорю – с призывом о мире. Этот призыв Игорем был не только услышан, но и принят. Отсюда и радость Святослава в Киеве, который совершал свою весеннюю поездку в попытках утишить начинающие разгораться междоусобные страсти. Именно поэтому Игорь "ехал по Боричеву к Богородице Пирогощей" – ехал в "мономашичью" церковь, чтобы там совершить торжественное "замирение" с раненым Владимиром Глебовичем, привезенным, как можно понять по рассказу "Лаврентьевской летописи", в Киев, а вместе с тем – и с главным "мономашичем" – Рюриком Ростиславичем, что вызвало вполне обоснованное ликование "стран и градов", облегченно вздохнувших при вести о мире в Русской земле. Если при этом вспомнить наступившую в ней на два последующие года "тишину", сопровождаемую знаменательными браками в течение одной недели – Рюрик Ростиславич выдал свою дочь за сына Игоря, женил своего сына на дочери владимиро-суздальского Всеволода Юрьевича, к которому обращался с просьбой о помощи автор "Слова", и в эти же дни "ис половець" возвратился Владимир Игоревич с Кончаковною и ребенком [76], – можно согласиться с утверждением, что автор "Слова" блестяще выполнил поставленную перед собой задачу.

В этих кратких по необходимости заметках я старался пока-

---

[75] Исландские саги. М., 1956, стр. 659–660.

[76] В лето 6695(1187). Там же, стб. 658–659.

зать перспективность стратифицированного подхода к изучению текста "Слова", позволяющего рассматривать каждый составляющий его элемент с точки зрения исторической ситуации и динамики языка, вскрывающего время, обстоятельства и причины появления "темных мест", прямых ошибок и новых прочтений. Надеюсь, что мне удалось показать плодотворность метода не только для лучшего понимания древнего текста, заимствованного автором у Бояна, но и для более верного прочтения самого "Слова", более правильного следования за авторской мыслью, как это произошло, например, с эпитетом Ярослава Владимировича галицкого, тьмутороканским "болваном" и обращением автора к Игорю Святославичу.

Признание возможности разновременных включений в текст древнерусской поэмы позволило подойти с новых позиций к вопросу о времени, месте и цели ее создания, обнаружив в самом тексте черты, определенным образом характеризующие облик ее автора. Не менее важным представляется мне и тот факт, что стратификация "Слова о полку Игореве" позволяет использовать сохранившиеся отрывки поэмы Бояна в качестве нового исторического источника, который находит подтверждение в летописных сообщениях и, в свою очередь, позволяет дать их новое критическое прочтение. Это означает, что в развитии светской литературы древней Руси можно проследить преемственность традиций, своими корнями уходящих, как можно думать, в культуру Первого Болгарского царства: эпоха царя Симеона (оригиналы "Изборников" 1073 и 1078 гг), откуда идут архаические реалии. - поэмы Бояна - "Слово о полку Игореве" - "Задонщина". Наконец, подобное направление исследований открывает прямой путь к ре-

альному изучению остатков поэтического наследия Бояна, сохранившегося в тексте "Слова", что, в свою очередь, может оказать неоценимую услугу для более точного прочтения и более глубокого осмысления самого его текста.

Влияние "Слова" на древнерусское летописание оказалось куда больше, чем то могли предположить самые смелые его исследователи. Равным образом это касается уже упоминавшегося "моря", "Каялы", "Бориса Вячеславича", а также заимствованных фраз и оборотов, восходящих к тексту поэмы, которая была отнюдь не единственным поэтическим произведением того времени. Воздействие же, вопреки утверждениям скептиков, в ту эпоху всегда шло одним путем - из поэзии в историческую литературу, но никак не наоборот. Об этом стоит помнить одинаково историкам и филологам. Вот почему я закончу свои заметки свидетельством Снорри Стурлусона, поэта и историка начала XII в., который писал по поводу песен скальдов о деяниях конунгов следующее: "То, что говорится в этих песнях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы признаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой" [77].

---

[77] Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1930, стр.9-10.